

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Susanna Jones
THE EARTHQUAKE BIRD

Copyright © Susanna Jones 2001. First published in 2001
by Picador, an imprint of Pan Macmillan, a division
of Macmillan Publishers International Limited

Джонс, Сюзанна.

Д42 Предвестник землетрясения / Сюзанна Джонс ;
[перевод с английского А. В. Филонова]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 256 с. — (Кинопремьера мирового
масштаба).

ISBN 978-5-04-101012-6

«Эта история надолго застрянет в самых темных углах ва-
шей души».

Face

«Страшно леденит кровь. Непревзойденный дебют».

Elle

Люси Флай — изгой. Она сбежала из Англии и смогла обрести покой только в далеком и чуждом Токио. Загадочный японский фотограф подарил ей счастье. Но и оно было отнято тупой размалеванной соотечественницей-англичанкой. Мучительная ревность, полное отчаяние, безумие... А потом соперницу находят убитой и расчлененной. Неужели это сделала Люси? Возможно. Она не знает точно. Не знает даже, был ли на самом деле повод для ревности. Ничего не понимает и полиция. Известно лишь, что в жизни Флай было столько случайных смертей, что ее впору считать непреднамеренным серийным убийцей...

Вместе с героиней вы будете прорываться к истине сквозь толщу ее сознания, замутненного комплексами, страхами и саморазрушением.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-101012-6 ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава

01

Сегодня утром, за несколько часов до ареста, меня пробудила дрожь земли. Об этом инциденте я упоминаю вовсе не ради намека на какую-то особую связь — дескать, тектонический разлом воплотился в моей жизни в пару полицейских, — ведь в Токио землетрясения вроде этого случаются что ни месяц, порой и чаще, и это утро ничем таким не выделялось. Я просто излагаю последовательность событий по порядку. День выдался необычный, и мне очень не хотелось бы что-нибудь забыть.

Я пребывала на футоне¹ под одеялом в глубоком сне. Проснувшись, услышала, как плечики для одежды стучат по стенкам гардероба. Тарелки в кухне задрезжали, пол заскрипел. От раскачивания меня замутило, но, несмотря на это, я не поняла, почему двигаюсь. И только когда снаружи до слуха долетел знакомый звук, до меня наконец

¹Традиционный японский матрас.

дошло. Ветер донес издали хриплое дребезжание. Я села, дрожа во тьме.

Со времени гибели Лили и исчезновения Тэйджи я стала нервничать из-за уймы всяческих вещей. Распахнув дверь гардероба, я заползла под перестукивающиеся плечики. Надела свой велосипедный шлем, нашарила фонарик, который держу приклеенным липкой лентой к стенке, и скорчилась в уголке. Посветила фонариком вокруг, чтобы убедиться, что свисток и бутылка воды на случай землетрясения при мне. Оба на месте. По голой ноге пробежал таракан, устроившийся рядом на полу.

— Проваливай, — шепнула я. — Пошел вон. Слышишь? Ты мне здесь не нужен.

Черные усики таракана чуть повернулись в мою сторону. А затем он юркнул прочь и скрылся через невидимую щель в стене.

Прошло какое-то время, прежде чем я поняла, что гардероб неподвижен. Землетрясение окончилось. Воцарилась тихая ночь.

Я заползла обратно в тепло своего футона, но уснуть не могла. Я знала, что нахожусь в квартире не одна. Подтянула подушку под щеку и свернулась калачиком на боку. У меня есть множество уловок, чтобы справляться с проблемами призраков и бессонницы. Одна из них — испытать свой японский. Взяла слово, обозначающее землетрясе-

ние — *дзисин*, — и попыталась подумать о словах с таким же произношением, но на письме отличающихся. Поставив вместе *дзи*, то есть «сам», и *син*, то есть «вера», получим «уверенность». Землетрясение, записанное другими иероглифами, может стать часовой стрелкой, магнитной стрелкой или просто кем-то, мной. Тут у меня идеи исчерпались. Должны быть еще какие-нибудь слова, но в голову ничего не приходило. Обычно я способна насчитать семь или восемь слов, прежде чем отключусь, но нынче утром моя игра не заладилась.

Я попытала другую стратегию. Вообразила, что Тэйдзи у меня за спиной, обнимает меня своими хрупкими руками и укачивает, баюкая, как делал в счастливые дни, когда мы спали вместе плотно, как сложенные ложки. Мы оба тогда любили землетрясения, ничуть не меньше, чем грозы и тайфуны. Воспоминания утешили меня, и я задремала на полчаса или около того. А когда снова пробудилась, в комнате было светло. Сложив футон, я пинками загнала его в комод. Схватила пакет вермишели быстрого приготовления на обед и впопыхах выпила чашку чая. И в семь часов отправилась на работу, чувствуя себя ничуть не более усталой и ничуть не хуже, чем последние пару недель. И думала, что меня ждет обычный день в конторе.

* * *

Полиция пришла за мной в полдень. Я за своим столом трудилась над переводом описания новой конструкции велосипедного насоса. Старательно сосредоточившись, я не заметила прибытия посетителей. Работа не так уж и трудна — переводить занудные технические документы, и я прекрасно с ней справляюсь, но это отвлекло мои мысли от недавних катастрофических событий. Я вдруг сообразила, что коллеги прекратили работать и смотрят в сторону двери. Подняла голову. На пороге стояли двое полицейских. Я не удивилась. И наверняка вообще никто не удивился. Мои товарищи по работе переводили взгляды с полицейских на меня и обратно.

Мне вовсе не хотелось подвергаться унижению, оказавшись арестованной посреди офиса, на глазах у безучастных зрителей. Я подскочила со своего места в уповании предвосхитить выпад офицеров полиции.

— Это ко мне, — пробормотала я. — По-моему, они просто хотят задать мне еще какие-то вопросы. Пустяки.

Но не успела я пересечь комнату, как услышала:

— Мисс Флай? Мы забираем вас в отделение полиции для допроса в связи с исчезновением Лили Бриджес. Захватите свою регистрационную карту иностранца.

Встав перед двумя темно-синими мундирами, я попыталась оттеснить их к двери.

— Она у меня в кармане. Я никуда без нее не хожу. Но я уже ответила на уйму вопросов. Даже не представляю, что еще могу вам сказать.

— Открылись новые обстоятельства. Мы бы хотели, чтобы вы прошли с нами к машине.

Я нервничала. В голову мне приходило только одно вскрывшееся обстоятельство, но задать вопрос я не решалась. Неужели они нашли недостающие части тела Лили? К этому времени прилив мог вынести на берег разрозненные фрагменты, а может, их поймали в сети ночные рыбаки. Возможно, полиции удалось сложить ее целиком и провести официальное опознание. Это будет чистой формальностью. Согласно газетам, полиция уже знает, что найдена Лили.

Все в офисе шло совсем не так, как прежде, с того самого утра пару недель назад, когда кто-то принес «Дейли Ёмиури», и газету тихонько передавали от стола к столу, пока она к обеду не добралась до моего. Заголовок гласил: «В Токийском заливе обнаружен женский торс. Предположительно, это пропавшая британская барменша Лили Бриджес».

После этого на меня никто даже не глядел, во всяком случае по-человечески. Не знаю, считали ли меня убийцей или слишком смутились из-за

ужасной гибели Лили, чтобы заговаривать со мной. Полицейские вывели меня из здания — будто я сама не знала дорогу — к стоявшей на улице машине. Я не поднимала глаз, хоть и знала, что коллеги следят за мной из окон. Махать на прощание нужды не было. С чего мне было думать, что мы встретимся снова? По одной из них — моей подруге Нацуко — я буду скучать. Она хотела верить в меня, но заголовок был чересчур даже для нее, и она меня покинула.

Я же сама при виде заголовка сочла, что Лили не одобрила бы эту формулировку, пусть и лаконичную. Барменом она была только в Японии. Дома в Халле она была медсестрой. И притом замечательной, как я обнаружила во время нашего похода по Яманаси-кэн, когда упала, поскользнувшись на склоне. Уложив меня, она забинтовала мне лодыжку с такой профессиональной заботливостью, что я чуть не расплакалась. Но в баре она была неуклюжей мямлей. Голос у нее был такой высокий и писклявый, что людям хотелось перемахнуть через стойку и взять напитки самим. Работа в баре должна была послужить лишь временным пристанищем.

Но теперь Лили мертва, а я в полицейском участке. Это мое первое столкновение с японской правовой системой, не считая нескольких добродушных вопросов, когда Лили только-только про-

пала. Не представляю, чего им от меня надобно на сей раз, но похоже, дело серьезное. Я сижу на скамье в коридоре. Люди, доставившие меня сюда, удалились, и поблизости хлопочут двое других полицейских — пожилой толстяк и молодой тощий. Толстый убеждает тонкого спросить у меня по-английски, говорю ли я по-японски. Я не потрудилась поведать им, что изъясняюсь по-японски свободно и вообще я профессиональный переводчик. Этот факт им должен быть известен — если им вообще известно хоть что-нибудь. Наконец они договорились. Тощий предстает передо мной.

— Добрый день. Я буду переводчик. — По-английски он говорит медленно, с запинками.

— Привет.

— Не будете ли вы добры назвать мне свое полное имя?

— Оно значится на моей регистрационной карте иностранца. Я уже отдала ее кому-то.

Тощий делится этими сведениями с коллегой по-японски. Следует ответ по-японски, потом по-английски.

— Это не моя работа — знать, что произошло с вашей регистрационной картой иностранца. Ваше полное имя.

— Люси Флай.

Толстый супит брови.

— Руши Фураи, — говорю я в попытке проявить доброжелательность. Когда полицейские допрашивали меня в прошлый раз, мой приятель Боб предупредил, чтобы я постаралась вести себя нормально, хоть это и не в моем характере, и держалась как можно любезнее.

— Мне тридцать четыре года.

Он не реагирует.

— Вообще-то, я родилась в год Змеи.

— И вы работаете в Токио, в Сибуя, — говорит пожилой толстый полицейский по-японски. Дождавшись повторения того же по-английски, я отвечаю:

— Это верно.

— Название компании?

И снова я жду перевода, прежде чем ответить:

— «Сасагава».

— Вы там редактор?

Мой юный тощий друг послушно передает это мне.

— Переводчик. С японского на английский. — Я ожидаю, что до них дойдет, но не тут-то было.

— Сколько вы там работали?

— Около четырех лет.

— Значит, вы говорите по-японски.

Переводчик говорит:

— Значит, вы говорите по-японски.

— Да, — говорю я, а про себя думаю: «Да очнись ты!»

— Да, она говорит.

Полицейский бросает на меня подозрительный, недружелюбный взгляд, которого я, полагаю, не заслужила. Пока.

— *Пера-пера*, — говорю я. «Свободно».

— Вы этого не сказали.

— Меня не спрашивали.

Переводчик удаляется, кипя от негодования. Я рада, что отделалась от него. От его акцента я отнюдь не в восторге. И остаюсь один на один с пожилым толстяком.

Тот сопровождает меня в маленькую комнатку и приглашает сесть. Сам садится напротив и смотрит куда угодно, только не мне в лицо. Я не в претензии. И чего бы ему глядеть мне в лицо? Люси — отнюдь не живопись маслом, как известно всякому, кто ее знает. Впрочем, как только я устраиваюсь поудобнее, он заставляет себя поднять глаза на мое лицо лишь затем, чтобы понять, что теперь не сможет их отвести. Дело в моих глазах, я знаю.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне о ночи, когда Лили Бриджес-сан исчезла.

— А вам известно, в какую ночь она исчезла?

— В ночь, после которой ее больше не видели. Насколько нам известно, вы были последней, с кем она разговаривала.

— Я уже говорила вам об этом.

— Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне еще раз.

— Я была у себя в квартире. Раздался звонок в дверь. Я открыла. Это была Лили. Мы поговорили с минуту, и она ушла.

— И?

— Я вернулась в дом.

— А после?

— Ничего. Не помню. Я принесла белье из стирки, когда явилась Лили. Наверное, вернулась к тому же занятию.

— Соседи видели вас на тротуаре перед парадной дверью говорящей с Бриджес-сан.

Я закатываю глаза.

— Значит, судя по всему, они видели то, что я вам только что сказала.

Он пристально смотрит на меня, будто учитель, терпеливо ожидающий признания ребенка в полной уверенности, что оно последует.

— Ладно, минут через пять я отправилась за ней. Я забыла сказать ей кое-что.

— Значит, вы говорили с ней снова?

— Нет, я ее не нашла.

— Вы предположили, что она отправилась на станцию?

— Да. Не представляю, куда она могла еще пойти. Сомневаюсь, что она хорошо знала мой район.

— Путь от вашей квартиры до станции довольно прямой, не так ли? И улицы ночью хорошо освещены.

— Это правда, но я ее не нашла. Не знаю, куда она пошла.

— Не поведаете ли вы, какого характера у вас был разговор перед парадной?

Я качаю головой.

— Вы его не помните?

— Помню.

— Тогда поделитесь со мной, пожалуйста.

— Нет.

— Ваш сосед сообщил, что вы сердились. Вы кричали на Бриджес-сан.

— Я не кричу.

— Вы не сердились?

— Я сердилась.

— Ваши соседи сказали, что вы, кажется, что-то держали, какой-то сверток.

— И кто же сии соседи? — фыркаю я. — Мисс Марпл?

Я прекрасно знаю, что это любительница пылесосить из соседней квартиры. Мне всегда казалось, что у нее буйная фантазия. Она агрессивно пылесосит часами напролет что ни день, а порой и среди ночи. Наверняка у нее в башке не все ладно.